

ФРЭНСИС СКОТТ

ФИЦДЖЕРАЛЬД

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Фрэнсис Фицджеральд
Великий Гэтсби

«Издательство АСТ»

1925

Фицджеральд Ф. С.

Великий Гэтсби / Ф. С. Фицджеральд — «Издательство АСТ»,
1925

ISBN 978-5-17-088830-6

«Бурные» двадцатые годы прошлого столетия... Время шикарных вечеринок, «сухого закона» и «легких» денег... Эти «новые американцы» уверены, что расцвет будет вечным, что, достигнув вершин власти и богатства, они обретут и личное счастье... Таким был и Джей Гэтсби, ставший жертвой бессмысленной погони за пленительной мечтой об истинной и вечной любви, которой не суждено было сбыться... Перед вами – самый знаменитый роман Ф.С. Фицджеральда в новом переводе! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги. Чему учит нас жизнь Ф.С. Фицджеральда? Узнаете из статьи в ЛитРес: Журнале

ISBN 978-5-17-088830-6

© Фицджеральд Ф. С., 1925

© Издательство АСТ, 1925

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби

*Для нее стань самым бойким и хоть шляпу золотую надевай в
удоду ей,*

*Прыгай выше всех и только сил, конечно, не жалея,
И тогда она воскликнет: «Мальчик в шляпе золотой,
Я хочу, чтобы ты был мой!»*

Томас Парк д'Инвильер

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

В юные годы, когда я более внимательно воспринимал окружающий меня мир и прислушивался к мнению других людей, отец дал мне совет, к которому я вновь и вновь обращался в течение всей своей жизни.

– Если когда-нибудь тебе захочется кого-то критиковать, – сказал он, – вспомни, что далеко не все люди в мире обладают теми преимуществами, которые дарованы тебе.

Больше он не сказал ничего, однако мы никогда особо с ним не откровенничали, и я понял, что в его словах заключается куда более глубокий смысл. В результате я стал проявлять сдержанность в суждениях. Эта привычка позволяла мне открывать в людях любопытнейшие черты характера и вызывать их расположение. В то же время именно из-за нее я не раз становился жертвой занудливых и прилипчивых субъектов. Люди с нестандартным мышлением быстро подмечают в человеке эту особенность и привязываются к ее обладателю. Поэтому в колледже, помимо своей воли оказавшись хранителем сокровенных тайн весьма сумасбродных и зачастую непредсказуемых людей, я несправедливо прослыл «политиканом». Я вовсе не напрашивался на роль отца-исповедника; заметив, что вот-вот начнутся излияния, я часто делал вид, что хочу спать, что я занят важным делом, или же просто начинал откровенно подтрунивать над собеседником. Причина подобного моего поведения заключалась в том, что потаенные «откровения» молодых людей или, по крайней мере, форма, в которой они преподносятся, всегда грешат неким скрытым плагиатом или явным искажением или утаиванием фактов. Сдержанность в суждениях несет в себе негасимую надежду на лучшее. Я до сих пор боюсь упустить нечто важное, если забуду – как напыщенно выразился мой отец и как я не менее напыщенно повторяю за ним, – что при рождении люди далеко не в равной мере наделяются способностью следовать нравственным устоям.

Похваставшись, таким образом, своей терпимостью, я должен признать, что она имеет свои пределы. Поведение человека может основываться на различных мотивах – от твердокаменной непоколебимости до слюнтяйского малодушия, однако в какой-то определенный момент мне становится все равно, чем человек руководствуется в своих поступках. Когда я минувшей осенью вернулся с Востока, мне казалось, что я хочу видеть окружающий мир одетым в военную форму и стоящим навытяжку. Меня больше не влекли захватывающие путешествия в потаенные уголки людских душ. Исключением был лишь Гэтсби, чьим именем названа эта книга. Гэтсби, воплощавший все, что я откровенно презирал. Он обладал какой-то непостижимой восприимчивостью, обостренной чувствительностью к тому, что сулила ему жизнь, словно был своего рода сложным сейсмографом, регистрирующим землетрясения на десятки тысяч километров. Эта чуткость не имела ничего общего с напускной впечатлительностью, которую принято возвышенно именовать «артистическим складом характера». Это был выдающийся дар следовать надежде, романтический порыв, которого я никогда ни в ком не встречал и вряд ли когда-нибудь встречу. Нет, в самом конце Гэтсби повел себя достойно. Именно то, что довлело над ним, та мерзость и низость, пыльным облаком клубившиеся вокруг него и душившие его мечты, – вот что на время заглушило во мне интерес к мелочным людским печалям и сиюминутным восторгам.

Три поколения моей довольно состоятельной семьи жили в городе на Среднем Западе, где снискали себе определенную известность. Семейство Каррауэев представляет собой нечто вроде клана, и, согласно преданию, мы происходим от герцогов Баклю, однако родоначальником моей линии является брат деда, обосновавшийся здесь в 1851 году. Он нанял человека, который вместо него отправился на Гражданскую войну, а сам основал дело по оптовой торговле скобяными изделиями, которым теперь управляет мой отец.

Я никогда не видел этого своего предка, однако полагают, что я на него похож, судя главным образом по довольно реалистичному портрету, который украшает контору отца. Я окончил Йельский университет в 1915 году, ровно через четверть века после отца. Чуть позже я принимал участие в Первой мировой войне; этим термином принято называть очередное переселение тевтонских племен. Разгром варварских полчищ настолько увлек меня, что по возвращении домой я оказался в некоторой растерянности. Средний Запад, некогда представлявшийся мне уютным центром мироздания, теперь казался задворками Вселенной, поэтому я решил отправиться на Восток и заняться изучением биржевого дела. Все мои знакомые так или иначе были связаны с биржевыми операциями, и я полагал, что маклерство вполне сможет прокормить еще одного одинокого мужчину. На семейном совете мои дядюшки и тетушки долго обсуждали мое решение, словно речь шла о выборе престижной частной школы. Наконец они с мрачным видом нерешительно изрекли нечто вроде: «Н-ну... да... отчего бы и нет...» Отец согласился в течение года помогать мне материально, и после некоторых проволочек весной 1922 года я отправился на Восток, как мне тогда казалось – навсегда.

Идеальным вариантом было бы найти жилье в городе, но близилось лето, а я только что прибыл из края широких лужаек и тенистых деревьев, так что когда один из моих сослуживцев предложил снять на паях дом в ближайшем пригороде, эта мысль пришлась мне весьма по душе. Он нашел дом – довольно обшарпанное «бунгало» с крытой толем крышей – за восемьдесят долларов в месяц. Однако в самый последний момент фирма откомандировала его в Вашингтон, так что «на лоно природы» я отправился один. Я завел собаку и пробыл ее хозяином всего несколько дней, пока она не сбежала, купил подержанный «додж» и нанял служанку-финку, которая убирала за мной постель и готовила мне завтрак, орудуя у электрической плиты и бормоча что-то, наверное, весьма мудрое, по-фински себе под нос.

Первые пару дней я чувствовал себя одиноким, пока однажды утром у дороги меня не остановил какой-то человек, появившийся здесь позже меня.

– Вы не подскажете, как попасть в поселок Уэст-Эгг? – растерянно спросил он.

Я объяснил ему, и когда зашагал дальше, от моего одиночества не осталось и следа – я чувствовал себя проводником, следопытом, почти аборигеном. Отныне я ощущал себя полноправным обитателем этого местечка.

Солнце пригревало все сильнее, листва распускалась с фантастической быстротой, словно при ускоренной киносъемке, и я почувствовал знакомую с детства уверенность, что летом жизнь начинается заново.

Надо было так много прочитать и не упустить возможности вдоволь надышаться здешним свежим воздухом. Я купил дюжину руководств по банковскому делу, кредитным операциям и страхованию капиталовложений. Они стояли на книжной полке, сверкая алыми и золотыми корешками, словно только что отчеканенные монеты, обещая открыть мне заветные тайны, ведомые лишь Мидасу, Моргану и Меценату. Но я не собирался ограничивать свой круг чтения лишь этими фолиантами. Во время учебы в колледже во мне открылся дар литератора – в течение года я написал для университетской газеты серию весьма напыщенных и вместе с тем довольно тривиальных передовиц. Теперь я хотел возобновить свои литературные опыты и вновь сделаться специалистом узкого профиля, так называемым всесторонне образованным человеком. Это не игра слов и даже не парадокс – ведь в конечном итоге на жизнь лучше всего смотреть из одного-единственного окошка. Так она видится шире и полнее.

Волею случая мне выпало снять дом в одном из наиболее примечательных уголков Северной Америки. Он представляет собой вытянутый, покрытый буйной растительностью остров к востоку от Нью-Йорка, где наряду с другими диковинами природы можно увидеть два необычных геологических образования. В тридцати километрах от города два огромных «яйца», два мыса, имеющих совершенно одинаковые очертания и разделенных небольшой бухточкой, выдаются в самый освоенный и оживленный участок океана в Западной полушарии – в пролив

Лонг-Айленд. Оба они – не идеальной овальной формы, поскольку, подобно колумбову яйцу, сплющены в том месте, где стыкуются. Их почти идеальное сходство, должно быть, постоянно сбивает с толку пролетающих над ними чаек. Что же до бескрылых существ, то их глазам предстает куда более удивительное явление – полное несоответствие и разительный контраст во всем, за исключением формы и размера.

Я жил в Уэст-Эгге, в... скажем, менее фешенебельном из двух поселков, хотя этим довольно банальным эпитетом можно лишь поверхностно описать весьма причудливые и даже в какой-то мере жутковатые различия между двумя поселениями. Мой дом располагался у самой оконечности мыса, метрах в пятидесяти от берега. Он каким-то странным образом втиснулся между двумя огромными виллами, сдаваемыми за двенадцать-пятнадцать тысяч долларов за сезон. Стоявший справа особняк поражал своими поистине колоссальными размерами. Он представлял собой копию городской ратуши где-нибудь в Нормандии с неизменной угловой башней, сверкавшей новенькой отделкой сквозь довольно жидкую поросль плюща. К нему прилегал выложенный мрамором плавательный бассейн. Все это великолепие окружали шестнадцать гектаров лужаек и садов. Это был особняк Гэтсби. Точнее говоря, поскольку я не знал мистера Гэтсби лично, это была вилла, где жил человек с такой фамилией. В подобном соседстве мой дом выглядел словно бельмо на глазу, но был он таким крохотным, что его просто не замечали. Я же мог наслаждаться морским пейзажем, видом на соседскую лужайку и тешить самолюбие своего рода сопричастностью к миру миллионеров. И все это за восемьдесят долларов в месяц.

На другом берегу бухты сверкали над водой ослепительно белые дворцы обитателей более фешенебельного Ист-Эгга. По сути, история того памятного лета начинается летним вечером, когда я отправился на ужин к семейству Бьюкенен. Дейзи приходилась мне троюродной сестрой, с которой мы давно не виделись, а с Томом мы познакомились в колледже. Сразу после войны я пару дней гостил у них в Чикаго.

Муж Дейзи, помимо своих прочих спортивных достижений, считался одним из самых сильных игроков крайней линии, когда-либо выступавших за футбольную команду Йельского университета. Он относился к весьма характерному для Америки типу людей, которые к двадцати с лишним годам достигают таких ослепительных высот, что вся их последующая жизнь имеет привкус некоего разочарования. Его семья владела невообразимыми богатствами, и даже в таком привилегированном университете, как Йельский, его манера швыряться деньгами вызывала антипатию. Теперь он перебрался из Чикаго на Восток с размахом, от которого дух захватывало: например, он перевез из Лейк-Фореста целое стадо пони для игры в поло. У меня в голове не укладывалось, как мой, в общем-то, ровесник может тратить деньги на подобные капризы.

Я не знаю, почему они обосновались на Востоке. Они прожили год во Франции без каких-либо веских на то причин, а затем принялись колесить по миру, ненадолго задерживаясь там, где можно поиграть в поло и побыть в кругу «своих». На сей раз они решили прочно осесть в одном месте, как сказала мне Дейзи по телефону, однако я не очень-то этому поверил. Я, конечно, не мог знать, что действительно у Дейзи на уме, но мне казалось, что Том вечно будет кочевать с места на место, подсознательно тоскуя по острым ощущениям, которые испытываешь, одерживая победу в футбольном матче, который поначалу казался безнадежно проигранным.

И вот теплым, но ветреным вечером я отправился в Ист-Эгг, чтобы повидать двух старых друзей, которых почти не знал. Их дом выглядел еще более импозантно, чем я ожидал. Это был яркий, красный с белым особняк в георгианском колониальном стиле с видом на залив. Лужайка начиналась у самого берега и простиралась метров на четыреста до парадного входа, перепрыгивая на своем пути через солнечные часы, пешеходные дорожки, посыпанные кир-

пичной крошкой, и пылающие всеми оттенками радуги цветники. У самого дома она как будто взмывала ввысь по вившимся вдоль стен виноградным лозам, словно они являлись ее продолжением. Фасад украшал ряд французских окон, открытых навстречу теплову ветру и сиявших отраженным золотом предзакатного солнца. А у парадной двери, широко расставив ноги, красовался Том Бьюкенен в костюме для верховой езды.

Он сильно изменился со студенческих времен. Передо мной стоял крепкий тридцатилетний мужчина с соломенного цвета волосами, прямой линией губ и высокомерными манерами. На его лице особо выделялись глаза: их сверкающий дерзкий взгляд придавал ему властности, и казалось, что его обладатель все время угрожающе подается вперед. Даже изящный покрой костюма для верховой езды не мог скрыть его огромную физическую силу. Казалось, что ему жмут в икрах до блеска начищенные сапоги, что шнуровка вот-вот разойдется. Стоило ему слегка повести плечом, как под тонкой материей начинали играть тугие мышцы. Его тело обладало чудовищной силой, вызывавшей подсознательный страх.

Он говорил несколько хрипловатым тенором, что дополняло впечатление, которое он производил – капризного богатея. В его голосе всегда звучала этакая отеческая полупрезрительная снисходительность, даже в дружеских разговорах. А ведь в Йеле были люди, которые ненавидели его до глубины души.

Казалось, он хочет сказать нечто вроде: «Ладно, не считайте мое мнение по этому вопросу истиной в последней инстанции просто оттого, что я сильнее вас и вообще я вам не ровня». На старших курсах мы входили в одно общество, и хотя особо не дружили, у меня создалось впечатление, что он относился ко мне благожелательно и очень хотел по-своему, с присущей ему дерзостью, понравиться мне.

Мы немного поговорили, стоя на залитом солнцем крыльце.

– Неплохо у меня тут, – произнес Том, стреляя глазами по сторонам, и плавным движением ладони обвел открывавшийся с крыльца вид.

Моему взору предстали ухоженный ступенчатый сад в итальянском стиле, примерно четверть гектара благоухающих роз и тупоносый катер, покачивавшийся на волнах прибоя.

– В свое время это принадлежало нефтяному магнату Демейну. – Он повернул меня к двери, вежливо, но как-то очень резко. – Идем-ка в дом.

Мы прошли через огромный холл и очутились в одном из внутренних покоев, отделанном в светло-розовых тонах, который, казалось, держался лишь на располагавшихся справа и слева французских окнах. Они были приоткрыты и сияли белизной на фоне сочно-зеленой травы, как будто пытавшейся вползти в дом. По комнате гулял легкий ветерок, играя занавесками, походившими на какие-то бледные флаги, то выдувая их наружу, то втягивая внутрь, то подбрасывая вверх к потолку с лепниной, напоминающему свадебный торт, покрытый глазурью. По темно-вишневому ковру металась тень, словно рябь по водной глади.

Единственным неподвижным предметом в комнате была огромная тахта, на которой, как на привязанном к мачте воздушном шаре, расположились две молодые женщины. Обе они были в белом, и их платья развевались, словно они только что приземлились после недолгого полета по дому. Я, наверное, застыл на несколько мгновений, просто слушая, как вьются и хлопают занавески и тихонько поскрипывает картина на стене. Том Бьюкенен с громким стуком закрыл окна в задней части дома, и тотчас застигнутый врасплох сквозняк стих, занавески опали, тени исчезли с ковра, и в комнате воцарилось спокойствие, а женщины словно плавно переместились с воздушного шара ближе к полу.

Более молодую из них я видел впервые. Она неподвижно лежала на своей половине тахты, вытянувшись во весь рост и слегка приподняв подбородок, словно удерживала там какой-то предмет, который вот-вот должен был упасть. Если она и заметила меня краем глаза, то не подала виду. Я немного растерялся и готов был тут же пробормотать извинения за свое неожиданное вторжение.

Вторая женщина – это и была Дейзи – попыталась встать. Она слегка подалась вперед; сперва ее лицо выражало некоторое недоумение, а затем она рассмеялась каким-то очаровательно нелепым смехом. Я засмеялся в ответ и шагнул на середину комнаты.

– Меня чуть было не п-парализовало от счастья.

Она снова рассмеялась, словно сказала что-то чрезвычайно остроумное, и на мгновение задержала мою руку в своей. Ее взгляд, казалось, говорил, что она не хочет сейчас видеть вообще никого, кроме меня. Это была одна из присущих ей повадок. Она шепнула мне, что фамилия ее подруги-«эквилибристки» – Бейкер. (Поговаривали, что шепот Дейзи – всего лишь способ заставить собеседника наклониться чуть поближе. Банальная сплетня, правда, ничуть не умалявшая очарования этой ее манеры.)

Как бы то ни было, губы мисс Бейкер шевельнулись, она едва заметно кивнула мне и тотчас же снова запрокинула голову – скорее всего, удерживаемый ею в равновесии предмет сдвинулся, что повергло ее в некоторый испуг. И снова я чуть было не извинился. Практически любое проявление самоуверенности каждый раз ошеломляет и обескураживает меня.

Я перевел взгляд на кухню, которая своим низким, волнующим голосом принялась расспрашивать меня о моем житье-бытье. Она обладала голосом, который приковывает к себе все внимание собеседника и заставляет прислушиваться к каждому слову, словно это и есть та самая главная музыкальная фраза, которая никогда больше не повторится. На ее грустном и вместе с тем миловидном лице разительно выделялись сверкающие глаза и яркий чувственный рот. Однако в голосе ее присутствовало нечто такое, что равнодушные к ней мужчины долго не могли забыть: певучее, игривое подчинение своей воле, манящее придыхание слова «послушай-ка», обещание того, что только вот сейчас пережитые радость и безрассудство непременно вернутся.

Я рассказал ей, что по дороге в Нью-Йорк на денек задержался в Чикаго, и передал приветы от десятка наших общих знакомых.

– Так они по мне скучают?! – восторженно воскликнула она.

– Весь город скорбит. У всех машин левое заднее колесо выкрашено в черный цвет в знак траура, а по ночам на набережной озера Мичиган не смолкают рыдания и стоны.

– Какая прелесть! Том, давай вернемся! Завтра же! – выкрикнула она, обращаясь к супругу, и вдруг совершенно невпопад добавила: – Тебе обязательно надо увидеть нашу малышку.

– Очень бы хотелось на нее посмотреть.

– Сейчас она спит. Ей два годика. Ты ведь никогда ее не видел?

– Да как-то нет...

– Тогда надо обязательно ее тебе показать. Она...

Том Бьюкенен, бесцельно бродивший по комнате, вдруг остановился и положил мне руку на плечо.

– Чем занимаешься, Ник?

– Облигациями и кредитованием.

– У кого?

Я назвал фирму.

– Никогда о них не слышал, – отрезал он.

Меня охватило раздражение.

– Еще услышишь, – отрывисто ответил я, – если надумаешь остаться на Востоке.

– Да уж останусь, не волнуйся, – сказал он, посмотрев на Дейзи и вновь переведя взгляд на меня, словно ждал какого-то подвоха. – Надо быть последним дураком, чтобы уехать отсюда.

– Это точно! – внезапно подала голос мисс Бейкер.

Я немного опешил, поскольку это было первое слово, произнесенное ею за все время. Очевидно, она удивилась своей короткой реплике не меньше, чем я; зевнув, она в два-три проворных движения встала с тахты и оказалась посреди комнаты.

– Все тело затекло, – недовольно произнесла она, – как будто полжизни пролежала на диване.

– Нечего на меня так смотреть, – парировала Дейзи. – Я весь день стараюсь вытащить тебя в Нью-Йорк.

– Нет, спасибо, – покачала головой мисс Бейкер, когда из буфетной принесли четыре коктейля. – Я поддерживаю спортивную форму.

Хозяин дома смерил ее недоверчивым взглядом.

– Вот уж точно! – Он залпом осушил свой бокал, словно в нем было налито всего несколько капель на доньшке. – Только никак в толк не возьму, как у тебя хоть что-то получается.

Я перевел взгляд на мисс Бейкер, пытаюсь понять, что же у нее должно получаться. Мне доставляло удовольствие смотреть на нее. Она была стройная, с небольшой грудью, с горделивой прямой осанкой, которая еще больше подчеркивалась ее манерой расправлять плечи, словно курсант-первогодок. Прищуренные от солнца глаза с вежливым любопытством взирали на меня с миловидного бледного лица, на котором читалось легкое недовольство чем-то. Мне вдруг показалось, что я ее раньше видел – то ли на фотографии, то ли где-то еще.

– Так вы, значит, живете в Уэст-Эгге, – снисходительно заметила она. – Я там кое-кого знаю.

– А я вот ни с кем там не...

– Вы наверняка знакомы с Гэтсби.

– Гэтсби? – удивленно спросила Дейзи. – Какой еще Гэтсби?

Не успел я ответить, что это мой сосед, как объявили, что кушать подано. Крепко ухватив за локоть, Том Бьюкенен буквально вытащил меня из комнаты, словно передвинул с одной клетки на другую шахматную фигуру.

Неторопливо и изящно, слегка придерживая платья на бедрах, женщины прошествовали впереди нас на отделанную в розовых тонах веранду, освещенную лучами закатного солнца, где на накрытом столе присмиревший ветерок играл пламенем четырех свечей.

– А свечи-то зачем? – недовольно нахмурилась Дейзи. Она пальцами погасила их одну за другой. – Через две недели настанет самый долгий день в году, – сказала она, улыбнувшись нам своей лучезарной улыбкой. – Вот вы ждете этого дня, а потом жалеете, что он уже прошел? У меня так каждый год!

– Надо что-то на этот день запланировать, – зевнула мисс Бейкер, усаживаясь за стол с таким усталым видом, словно она ложилась спать.

– Ладно, – согласилась Дейзи. – И какой мы составим план? – Она беспомощно посмотрела на меня. – Что вообще люди назначают на этот день?

Не успел я ответить, как она в ужасе посмотрела на свой мизинец.

– Смотрите! – жалобно вскрикнула она. – Я ушибла палец!

Мы посмотрели: на распухшем суставе красовался синяк.

– Это все ты, Том, – с упреком продолжила она. – Конечно, ты не нарочно, но это все твоя работа. Такова уж моя участь, если я вышла замуж за такого грубияна, за огромного неуклюжего медведя...

– Терпеть не могу, когда меня называют медведем, – раздраженно перебил ее Том. – Даже в шутку.

– Медведь, – назло ему повторила Дейзи. – Неуклюжий.

Иногда она и мисс Бейкер говорили обе разом, но в их ненавязчивом подтрунивании и пустой болтовне напрочь отсутствовала светская непринужденность. От их женского щебета-

ния веяло холодом, как от их белых платьев и равнодушных глаз, лишенных чувств и желаний. Сидя за столом, они снисходительно принимали наше с Томом присутствие, с деланными улыбками пытались развлечь нас или позволяя нам развлечь их. Они знали, что ужин скоро закончится, а чуть позже закончится и вечер, который можно будет с легкостью забыть. На Западе все совсем по-другому: там ты час за часом торопишь вечер, с волнением, надеждой или благоговейным трепетом ожидая его окончания.

– Дейзи, в твоём обществе я чувствую себя совершеннейшим дикарем, – признался я после второго бокала немного отдававшего пробкой, но тем не менее приятного красного вина. – Давай поговорим о более понятных мне материях, например, о видах на урожай.

Я не имел в виду что-то конкретное, но мои слова вызвали в высшей мере неожиданную реакцию.

– Цивилизация рушится буквально на глазах! – раздраженно воскликнул Том. – Я стал пессимистически смотреть на окружающий мир. Ты читал «Рост могущества цветных империй» Годдарда?

– Да как-то не довелось, – ответил я, весьма удивленный его тоном.

– Прекрасная книга, и всем просто необходимо прочесть ее. Главная ее мысль в том, что если мы не будем начеку, то белую расу... ну... полностью сомнут. Там все это доказано с научной точки зрения и с опорой на факты.

– Тома влекут высокие материи, – с легкой грустью произнесла Дейзи. – Он читает умные книги, где много длинных слов. Что за слово мы не могли...

– Это все научные труды, – нетерпеливо перебил ее Том. – Этот парень разложил все по полочкам. Мы, господствующая раса, должны находиться в боевой готовности, иначе другие расы захватят власть над миром.

– Мы должны раздавить их, – прошептала Дейзи, с нарочитой серьезностью подмигнув пылающему предзакатному солнцу.

– Вам бы пожить в Калифорнии... – начала мисс Бейкер, но Том оборвал ее, шумно заворочавшись в кресле:

– Основная мысль в том, что мы – нордическая раса. Я, ты, и ты, и... – чуть замешкавшись, он кивком головы включил Дейзи в число представителей «высшей расы», после чего она снова мне подмигнула. – И мы создали все, из чего состоит цивилизация – ну, науку, искусство и все прочее. Понимаете?

Было что-то жалкое в этом его пафосном монологе, словно ему уже не хватало самодовольства и самолюбования, еще более возросших с течением лет. Когда где-то в доме зазвонил телефон и дворецкий ушел с веранды, Дейзи тотчас же воспользовалась минутной паузой и наклонилась ко мне.

– Я поведаю тебе семейную тайну, – задорно-интригующим тоном прошептала она. – Про нос нашего дворецкого. Хочешь услышать историю про нос дворецкого?

– Именно за этим я нынче и приехал.

– Так вот, дворецким он был не всегда. В свое время он служил в каком-то доме в Нью-Йорке, где, так сказать, «обслуживал» набор столового серебра на двести персон. Он его день-деньской чистил и натирал, пока у него не началось что-то с носом...

– Ему становилось все хуже и хуже, – вставила мисс Бейкер.

– Вот-вот, все хуже и хуже, и в конце концов ему пришлось уволиться.

На мгновение закатное солнце нежно осветило ее сияющее лицо. Я прислушивался к ее голосу, подавшись вперед и затаив дыхание. Спустя миг сияние померкло, с какой-то неохотой и сожалением исчезнув с ее лица, – так ребенок с наступлением сумерек, бросая увлекательную игру, нехотя идет домой.

Вернулся дворецкий и прошептал что-то на ухо Тому, после чего тот нахмурился, резко отодвинул кресло и, не сказав ни слова, пошел в дом. С его уходом внутри Дейзи словно сра-

ботал какой-то загадочный ускоритель, и она снова наклонилась ко мне и проворковала своим певучим голосом:

– Ник, как же я рада видеть тебя за своим столом. Ты напоминаешь мне... да, розу, совершеннейшую розу. Ведь так? – Она повернулась к мисс Бейкер, ища подтверждения своим словам. – Он настоящая роза.

Это был чистейшей воды вздор. На розу я ну никак не похож. Ее слова представляли собой некий странный экспромт, но от нее исходило какое-то волнующее тепло, словно ее душа старалась вырваться наружу под прикрытием этих невпопад сказанных слов. Затем она вдруг швырнула салфетку на стол, извинилась и скрылась в доме.

Мы с мисс Бейкер обменялись ничего не значащими взглядами. Я намеревался заговорить с ней, когда она вдруг настороженно встрепелась и резко шикнула на меня. Из-за стены глухо доносился чей-то возбужденный голос, и мисс Бейкер, отбросив приличия, подалась вперед, стараясь разобрать слова. Голос взлетел, сделавшись почти внятным, потом приутих, затем раздраженно рванулся ввысь и наконец умолк.

– Мистер Гэтсби, которого вы упомянули, – это мой сосед... – начал было я.

– Помолчите. Я хочу знать, что там происходит.

– А разве там что-то происходит? – наивно спросил я.

– Так вы хотите сказать, что ничего не знаете? – с неподдельным удивлением произнесла мисс Бейкер. – А мне казалось, что все всё знают.

– А что именно?

– Ну... – нерешительно начала она. – У Тома в Нью-Йорке есть какая-то женщина.

– Какая-то женщина? – беспомощно повторил я.

Мисс Бейкер кивнула.

– Могла бы поиметь совесть и не звонить ему во время ужина. Ведь так?

Едва до меня начал доходить смысл ее слов, как послышались шелест платья и скрип кожаных ботинок – это Том и Дейзи вернулись к столу.

– Дело чрезвычайной важности! – воскликнула Дейзи с напускной веселостью.

Она села, пристально посмотрела на мисс Бейкер, затем перевела взгляд на меня и продолжила:

– Я на минутку выглянула на лужайку – там все так романтично. Где-то совсем рядом поет птица; по-моему, это соловей, прибывший к нам трансатлантическим рейсом. А как заливается... – Она сама едва не пела. – Это так романтично, верно ведь, Том?

– Очень романтично, – буркнул тот и повернулся ко мне в надежде загладить какую-то неловкость, переменив тему: – Если не совсем стемнеет, то после ужина я хочу показать тебе конюшню.

В доме снова зазвонил телефон, и, после того как Дейзи с укоризной покачала головой в сторону Тома, начавшийся было разговор о конюшне, да и вообще все разговоры разом смолкли. Из сумбурных последних пяти минут, что я провел за столом, мне запомнилось лишь то, что зачем-то опять зажгли свечи, а меня охватило желание пристально смотреть на всех, но при этом ни с кем не встречаться взглядом. Я понятия не имел, о чем думают Дейзи и Том, однако почти не сомневался, что даже мисс Бейкер с ее непробиваемым скепсисом не могла полностью игнорировать назойливую навязчивость некоего пятого гостя. Возможно, кому-то эта ситуация могла показаться интригующей и в некотором роде пикантной, однако мне хотелось немедленно вызвать полицию.

О лошадях, само собой разумеется, и думать забыли. В сгущавшихся сумерках Том и мисс Бейкер неторопливо направились в библиотеку, словно им предстояло бдение у гроба усопшего, в то время как я, разыгрывая светскую заинтересованность и притворившись немного глухим, прошел вместе с Дейзи через несколько соединенных галерей веранд до цен-

тральной террасы. Уже почти стемнело, когда мы расположились на стоявшем там плетеном диванчике.

Дейзи аккуратно приложила ладони к щекам и подбородку, словно желая удостовериться в дивной форме своего лица, а ее взгляд был устремлен в бархатистые сумерки. Я видел, что внутри ее бушует ураган эмоций, и постарался успокоить расспросами о дочурке.

– Мы так мало знаем друг о друге, Ник, – вдруг сказала она. – А ведь мы родственники. Ты и на свадьбу ко мне не приехал.

– Я тогда еще не вернулся с войны.

– Да, действительно. – Она немного помолчала. – Знаешь, Ник, мне всякое пришлось пережить, и теперь я смотрю на мир довольно цинично.

Очевидно, у нее для этого были все основания. Я терпеливо ждал, но она больше ничего не говорила, так что я довольно неловко вернулся к разговору о ее малышке.

– Она, наверное, уже говорит... кушает... ну, и все такое...

– Да-да! – Она рассеянно посмотрела на меня. – Слушай, Ник, а давай-ка я тебе расскажу, что я сказала, когда она родилась. Хочешь узнать эту историю?

– Очень.

– Тогда ты поймешь, почему я стала так относиться... ко всему. После родов прошло чуть меньше часа, а Том был неизвестно где. Я проснулась после наркоза с таким чувством, что меня все бросили, и сразу же спросила акушерку: мальчик или девочка. Она ответила, что девочка, и я тут же отвернулась и расплакалась. «Вот и хорошо, – сказала я. – Я рада, что девочка. Очень надеюсь, что она вырастет дурочкой. Ведь в нашем мире самое лучшее для девочки – быть хорошенькой дурочкой». Знаешь, я склоняюсь к мысли, что все вокруг просто ужасно, – убежденным тоном продолжала она. – И так думают все, и передовые люди тоже. А я это твердо знаю. Я много где побывала и много чего повидала. – Она дерзко сверкнула глазами, почти как Том, и рассмеялась язвительным смехом. – Я умудренная опытом! Боже, в моем-то возрасте – и уже умудренная опытом!

Но как только смолк ее голос, понуждавший меня внимать и верить, я тут же почувствовал неискренность в ее словах. Мне стало неловко, словно весь вечер затевался лишь для того, чтобы я проникся к ней состраданием. Я чего-то ждал, и действительно, через мгновение она смотрела на меня с самодовольной улыбкой на своем дивном лице, словно доказала свою принадлежность к некоему тайному обществу, где они состояли вместе с Томом.

Библиотека пылала багряным светом. Том и мисс Бейкер сидели по разные концы длинного дивана, и она вслух читала ему что-то из «Сатердей ивнинг пост». Ее слова, произносимые тихим и монотонным голосом, сливались в некую ровную мелодию, напоминавшую колыбельную. Свет лампы отбрасывал яркие блики на ботинки Тома, тускло мерцал в ее волосах цвета осенней листвы, вспыхивал на страницах, которые она переворачивала легкими движениями своих изящных, но сильных пальцев.

Когда мы вошли, она остановила нас легким взмахом руки.

– Продолжение следует, – закончила она, бросив журнал на стол. – Вы прочитаете его в нашем следующем номере.

Нетерпеливо дернув коленом, она одним стремительным движением встала с дивана.

– Десять часов, – заметила она, очевидно, обнаружив на потолке никому не видимые часы. – Примерной девочке пора спать.

– Джордан завтра предстоит выступить на соревнованиях в Уэстчестере, – пояснила Дейзи.

– О, так вы та самая Джордан Бейкер!

Теперь я понял, почему она показалась мне знакомой: ее миловидное лицо с несколько надменной улыбкой смотрело на меня с множества фотографий, сопровождавших спортивные

репортажи из Ашвилла, Хот-Спрингс и Палм-Бич. Я даже слышал о ней какую-то грязную историю, очень напоминавшую сплетню, но давно забыл, о чем там шла речь.

– Спокойной ночи, – тихо произнесла она. – Разбуди меня в восемь, ладно?

– Если ты сможешь встать.

– Смогу. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Еще увидимся.

– Конечно же, увидите, – подтвердила Дейзи. – У меня даже есть задумка вас поженить.

Приезжай к нам почаще, Ник, и я... вроде как... постараюсь вас свести. Ну... как бы случайно запру вас в бельевой или вытолкну в лодке в открытое море... что-то в этом роде...

– Спокойной ночи, – отозвалась мисс Бейкер уже с лестницы. – Я не слышала ни единого слова.

– Она славная девушка, – чуть позже сказал Том. – Только вот зря они позволяют ей колесить по всей стране.

– Кто это «они»? – холодно поинтересовалась Дейзи.

– Ее семья.

– Вся ее семья – это тетка, которой бог весть сколько лет. К тому же Ник станет за ней присматривать, ведь так, Ник? Этим летом она будет часто приезжать сюда на выходные. Думаю, семейная атмосфера пойдет ей на пользу.

Какое-то время Том и Дейзи молча смотрели друг на друга.

– А она из Нью-Йорка? – быстро спросил я.

– Из Луисвилла. Мы там вместе провели детство. Наше счастливое детство...

– Так вы, значит, на веранде говорили с Ником по душам? – внезапно спросил Том.

Дейзи удивленно посмотрела на меня.

– Я что-то не припомню, но, по-моему, разговор шел о нордической расе. Да-да, точно. Эта тема возникла как-то сама собой, ну и дальше...

– Не верь всему, что слышишь, Ник, – посоветовал он мне.

Я непринужденно ответил, что ничего такого не слышал, и через несколько минут стал собираться домой. Они проводили меня до парадного входа и стояли рядом на фоне яркого светлого квадрата. Я завел мотор, и тут Дейзи громко крикнула:

– Подожди! Я совсем забыла спросить тебя об одной важной вещи. Мы слышали, что ты помолвлен с какой-то девушкой на Западе.

– Верно-верно, – добродушно подхватил Том. – Мы наслышаны о твоей помолвке.

– Ерунда. Я слишком беден для этого.

– А мы вот слышали, – настаивала Дейзи, и я удивился, что с этими словами она вновь раскрылась, словно распутившийся цветок. – Причем от трех разных людей. Значит, это правда.

Разумеется, я знал, кого они имеют в виду, но о помолвке даже речь не заходила. Росшие словно на дрожжах слухи стали одной из причин, почему я отправился на Восток. Нельзя расстаться со старой «симпатией» из-за неких досужих пересудов, однако, с другой стороны, мне совсем не хотелось, чтобы эти пересуды заставили меня идти под венец.

Их неравнодушие к моей судьбе весьма тронуло меня и чуть уменьшило размеры разделявшей нас финансовой пропасти. И все же по дороге меня не отпускало смущение и какое-то раздражение. Мне казалось, что лучший выход для Дейзи – это схватить ребенка и бежать прочь из этого дома, однако у нее, очевидно, и в мыслях такого не было. Ну а если говорить о Томе, то новость о «какой-то женщине в Нью-Йорке» удивила меня куда меньше, чем его интерес к некой книге, которая вывела его из равновесия. Что-то заставляло его углубляться в дебри тривиальных идей, словно укоренившееся самолюбование своей силой перестало удовлетворять его властную натуру.

Лето уже полностью вступило в свои права и за день успело сильно разогреть крыши придорожных закусочных и гаражей, перед которыми в свете фонарей красовались новень-

кие красные бензоколонки. Доехав до своего дома в Уэст-Эгге, я загнал машину под навес и ненадолго присел на оставленную кем-то в саду газонокосилку. Ветер стих, заискрилась ночь, наполненная хлопанием невидимых крыльев в густой листве и непрерывным «концерто» лягушек, как будто их неустанно подкачивали мощные мехи матери-земли. В лунном свете промелькнул силуэт бегущей кошки, и, повернув голову ей вслед, я заметил, что я не один. Метрах в пятнадцати от меня из густой тени стоявшего по соседству особняка вышел мужчина и остановился, засунув руки в карманы и любясь серебристой россыпью звезд. Его непринужденные движения и уверенность, с которой он, широко расставив ноги, стоял на лужайке, навели меня на мысль, что это и есть мистер Гэтсби, вышедший определить, какая часть здешнего небосклона принадлежит ему.

Я решил окликнуть его. Мисс Бейкер упомянула о нем за ужином, и мне бы этого вполне хватило, чтобы отрекомендоваться ему. Однако я передумал, почувствовав вдруг его явное желание побыть наедине с собой. Каким-то странным жестом он протянул руки к темной воде, и, даже находясь не очень близко, я мог поклясться, что его пробивает крупная дрожь. Я невольно взглянул в сторону моря, но не увидел ничего, кроме мерцавшего вдали одинокого зеленого огонька, должно быть, сигнального фонаря на краю причала. Когда я вновь посмотрел в сторону Гэтсби, тот уже исчез, и я опять остался один в беспокойном мраке ночи.

Глава 2

Примерно на полпути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком шоссе торопливо устремляется навстречу железной дороге и бежит рядом с ней где-то с полкилометра, словно пытаясь обойти стороной унылый и бесплодный участок земли. Это долина шлака – некая фантастическая ферма, где шлак растет, словно пшеница, образуя хребты, холмы и уродливые сады. Там шлак принимает форму домов с трубами, откуда поднимаются столбы дыма, и какие-то странные человечки снуют в насыщенном ядовитыми испарениями воздухе. Время от времени по невидимым рельсам приползает вереница вагонеток и с жутким скрежетом останавливается. В тот же миг их со всех сторон облепляют пепельно-серые люди с тяжелыми лопатами и поднимают плотную тучу пыли, скрывающую от ваших глаз их непонятные действия.

Однако через некоторое время над безжизненной серой землей с непрестанно витающими над ней облачками пыли вашему взору предстают глаза доктора Т. Дж. Эклберга. Они голубые и гигантские – с радужной оболочкой в метр диаметром. Они смотрят на вас не с лица, а из-за пары огромных желтых очков, сидящих на несуществующей переносице. Очевидно, какой-то окулист, любитель пошутить, желая расширить свою практику до Куинса, решил поставить здесь рекламный плакат, а потом или сам погрузился в вечную слепоту, или просто забыл о нем и уехал. Но глаза, выцветшие под солнцем и дождем, продолжают взирать на мрачную свалку.

С одной стороны долина шлака упирается в мелкую грязную речушку, и когда поднимали мост, чтобы пропустить баржи, пассажирам вставших в ожидании поездов иногда целых полчаса приходилось наблюдать этот убогий пейзаж. Поезда всегда останавливались там, по крайней мере на минуту, и именно благодаря этому обстоятельству я познакомился с любовью Тома Бьюкенена.

О том, что у него есть пассия, говорили все и всюду, где его знали. Его знакомых раздражала привычка Тома появляться с ней в дорожных ресторанах и, оставив ее за столиком, бродить по залу, болтая со всеми встреченными приятелями. Хотя мне и было интересно посмотреть на нее, особым желанием познакомиться я не горел. Но все-таки пришлось. Как-то днем мы с Томом ехали на поезде в Нью-Йорк, и, когда остановились у шлаковых пирамид, он вдруг вскочил с места, схватил меня за локоть и буквально выволок из вагона.

– Давай сойдем здесь, – сказал он тоном, не терпящим возражений. – Хочу познакомить тебя с моей подружкой.

Я подумал, что он выпил лишнего за обедом и решил во что бы то ни стало провести день в моем обществе. Со свойственным ему высокомерием он решил, что воскресным днем мне больше нечем заняться.

Вслед за ним я перелез через низкий беленый забор, служивший железнодорожным ограждением, и мы прошли назад метров сто под недреманным взором доктора Эклберга. На глаза нам попались три строения, представлявшие собой коробки из желтого кирпича, притулившиеся на краю свалки. К ним вела крохотная «главная улица» без каких-либо ответвлений или пересечений. Одно из строений сдавалось внаем, во втором была круглосуточная закусочная, к которой вела пыльная тропинка. Третья постройка оказалась гаражом с вывеской «Ремонт. Джордж Б. Уилсон. Покупка и продажа автомобилей». Мы с Томом зашли внутрь.

В гараже, среди голых стен, царили грязь и запустение. В темном углу приютились покрытые пылью останки «форда». Я вдруг подумал, что этот призрачный гараж – всего лишь декорация, а где-то над ним скрываются потайные романтические апартаменты; мои раздумья прервало появление владельца заведения, вышедшего из двери крохотной конторки и вытянувшего руки какой-то тряпкой. Это был анемичный блондин, несколько флегматичный, с не

лишенным привлекательности лицом. При виде нас в его светло-голубых глазах вспыхнула робкая надежда.

– Уилсон! Привет, дружище! – воскликнул Том, весело хлопнув его по плечу. – Как дела?

– Грех жаловаться, – несколько неуверенно ответил Уилсон. – Когда же вы продадите мне машину?

– На следующей неделе. Мой человек как раз этим занимается.

– Что-то долго он занимается, а?

– Ничего не долго, – холодно отрезал Том. – А если вас это не устраивает, я, наверное, продам ее где-нибудь еще.

– Я вовсе не это хотел сказать, – начал торопливо объяснять Уилсон. – Я просто хотел...

Он умолк, а Том обвел гараж нетерпеливым взглядом. Потом я услышал шаги на лестнице, и через мгновение в дверном проеме появилась крепко сбитая женская фигура, заслонив свет, шедший из конторки. Она была лет тридцати пяти, чуть полноватая, но двигалась с особой чувственной грацией, свойственной немногим полным женщинам. Ее лицо, выделявшееся на фоне синего в горошек крепдешинового платья, не отличалось ни красотой, ни правильностью черт, но вся она лучилась такой энергией, словно постоянно пылала внутри. Женщина лениво улыбнулась и прошла мимо мужа, словно это был призрак, после чего поздоровалась с Томом за руку, глядя ему прямо в глаза. Облизнув губы, она, не оборачиваясь, бросила мужу тихим, хрипловатым голосом:

– Хоть стулья принеси, видишь, людям сесть негде.

– Конечно, конечно, – засуетился Уилсон и поспешил в конторку, мгновенно растворившись на фоне бетонной стены. Светло-серая пыль въелась в его некогда темный костюм и светлые волосы так же, как она въелась во все вокруг – кроме его жены, шагнувшей к Тому.

– Хочу тебя увидеть... подольше, – тихо, но твердо прошептал Том. – Поезжай следующим поездом.

– Договорились.

– Встречаемся внизу у газетного киоска.

Она кивнула и отпрянула от него как раз в тот момент, когда в дверях конторки показался Уилсон с двумя стульями в руках.

Мы отошли подальше по дороге, чтобы никому не попасться на глаза, и стали ждать ее. До праздника Дня независимости 4 июля оставалось несколько дней, и серый от пыли худенький парнишка-итальянец ставил сигнальные петарды вдоль железнодорожного полотна.

– Ужасное место, а? – сказал Том, нахмурившись в ответ на взгляд доктора Эклберга.

– Жуткое.

– Так что ей на пользу иногда сматываться отсюда.

– А муж что – не возражает?

– Уилсон? Он думает, что она ездит в Нью-Йорк проведать сестру. Он такой тупой, что сам не знает – жив он или мертв.

Вот таким образом Том Бьюкенен, его подружка и я вместе отправились в Нью-Йорк – точнее, не совсем вместе, поскольку миссис Уилсон из соображений предосторожности села в другой вагон. Том пошел на это, щадя щепетильность жителей Ист-Эгга, которые могли ехать тем же поездом.

Когда в Нью-Йорке Том помогал ей сойти на платформу, я заметил, что она переделалась в платье из коричневого узорчатого муслина, туго обтягивающее широкие бедра. В газетном киоске она купила выпуск «Таун тэтл» и киножурнал, а в привокзальной аптеке – кольдкрем и маленький флакончик духов. Наверху, среди глухого рева машин, она пропустила четыре такси, прежде чем выбрала совершенно новый автомобиль светло-сиреневого цвета с серыми сиденьями, после чего мы выехали из исполинской громады вокзала навстречу яркому солнцу.

Вдруг она резко отвернулась от окна и подалась вперед, стуча в окошко, отделявшее нас от водителя.

– Хочу собачку, – заявила она. – Чтобы жила дома. Это так мило – иметь собаку.

Мы сдали назад и подъехали к седому старику, до абсурда похожему на миллиардера Джона Рокфеллера. В висевшей у него на шее корзине копошилось с десяток щенков неопределенной породы.

– А какие у вас собаки? – нетерпеливо спросила миссис Уилсон, когда он подошел к машине.

– Всякие разные. А какая вам нужна, дамочка?

– Ну, я хотела бы какую-нибудь сыскную собаку. У вас, наверное, нет таких?

Старик задумчиво посмотрел в корзину, засунул туда руку и вытащил за шкуру извивавшегося щенка.

– Это не сыскная собака, – заметил Том.

– Ну, это не совсем сыскная собака, – смущенно ответил старик. – Она больше похожа на эрдельтерьера. – Он провел рукой по коричневой бархатистой спинке. – Посмотрите на шерсть. Вот это шерсть. Такая собака у вас никогда не простудится.

– Какая миленькая! – восторженно воскликнула миссис Уилсон. – Сколько?

– За эту собаку? – Он горделиво посмотрел на щенка. – Она обойдется вам в десять долларов.

Эрдельтерьер – безусловно, что-то от эрдельтерьера в щенке присутствовало, хотя у него оказались на удивление белые лапы – перекочевал из корзины в такси и устроился на коленях миссис Уилсон, которая с восторгом принялась гладить его по всепогодной шерстке.

– А это мальчик или девочка? – деликатно спросила она.

– Эта собака? Этот пес – мальчик.

– Сука она, – отрезал Том. – Вот ваши деньги. Пойдите и купите на них еще десять собак.

Мы доехали до Пятой авеню, теплой и уютной, почти пасторальной в летний воскресный день, и я бы не удивился, увидев, как из-за поворота появляется огромное стадо овец.

– Остановите где-нибудь, – сказал я. – Мне придется вас здесь покинуть.

– Ни в коем случае! – моментально возразил Том. – Миртл очень обидится, если ты не посетишь ее квартиру. Верно, Миртл?

– Поедемте, – принялась уговаривать она. – Я позвоню своей сестре Кэтрин. Знающие люди говорят, что она просто красotka.

– Ну, я бы с удовольствием, однако...

Мы поехали дальше, срезали угол, миновали Центральный парк и оказались в западной части Сотых улиц. На Сто пятьдесят восьмой улице такси остановилось у довольно протяженного квартала многоквартирных домов, напоминающего кусок сливочного торта. Окинув окрестности взглядом августейшей особы, вернувшейся в свои владения, миссис Уилсон подхватила щенка и остальные покупки и величественно вошла в одно из зданий.

– Хочу пригласить Макки, пусть зайдут в гости, – щебетала она, когда мы поднимались в лифте. – И, конечно, мне надо позвонить сестре.

Квартира располагалась на верхнем этаже – маленькая гостиная, небольшая столовая, крохотная спальня и ванная. Гостиная была буквально забита громоздкой мебелью с гобеленовой обивкой, так что постоянно приходилось наткаться на изображения манерных дам, раскачивавшихся на качелях в садах Версаля. Единственная висевшая на стене картина представляла собой увеличенную фотографию какой-то курицы, сидевшей на скале, выписанной резкими размытыми мазками. Однако при взгляде издали курица превращалась в дамскую шляпку, из-под которой находившимся в комнате улыбалась дородная старушка. На столе лежали старые номера «Таун тэтл» и книжка под названием «Симон по прозвищу Петр», а также какие-то бродвейские журналы-«сплетники». Первым делом миссис Уилсон озабочилась

щенком. Мальчик-лифтер с недовольной миной на лице отправился за коробкой, соломой и молоком, к которым он по собственной инициативе добавил банку сухого корма для собак. Один из кусочков весь остаток дня уныло размокал в блюде с молоком. Тем временем Том достал из запертого ящика комода бутылку виски.

Я напивался до полубессознательного состояния лишь дважды и в тот день отметился во второй раз, так что все происходящее я воспринимал сквозь какой-то волнистый туман, хотя до восьми вечера во всей квартире царило яркое солнце. Сидя на коленях у Тома, миссис Уилсон названивала каким-то людям; потом кончились сигареты, и я поплелся за ними в аптеку на углу. Когда я вернулся, Том с подружкой куда-то исчезли. Я тактично расположился в гостиной и прочитал главу из «Симона по прозвищу Петр», но так ничего и не понял – то ли книжка оказалась дрянной, то ли выпивка слишком крепкой.

Не успели вернуться Том и Миртл (после первой рюмки мы с миссис Уилсон перешли на «ты»), как начала собираться компания.

Сестра Миртл, Кэтрин, оказалась стройной разбитной дамочкой лет тридцати со стриженными под мальчика рыжими волосами и напудренным до молочной белизны лицом. Брови у нее были начисто выщипаны, а затем заново нарисованы лихим полукругом, но стремление природы вернуться к истокам придавало ее облику некую незавершенность. Любое ее движение сопровождалось постукиванием и позвякиванием бесчисленных керамических браслетов, болтавшихся на ее руках. Она вошла быстрым, уверенным шагом и с таким хозяйским видом оглядела мебель, что я было решил, что она здесь живет. Но когда я спросил ее об этом, она громко расхохоталась, вслух повторила мой вопрос и ответила, что они с подружкой снимают номер в гостинице.

Мистер Макки, живший этажом ниже, оказался бледным женоподобным субъектом. Он только что побрился – у него на щеке красовался клочок пены – и с преувеличенной учтивостью поздоровался со всеми присутствующими. Он поведал мне, что вращается в «артистических кругах». Чуть позже я догадался, что он фотограф и что именно он увеличил фото матушки миссис Уилсон, призрачно парившей в воздухе на стене гостиной. Его жена была симпатичной, горластой, неинтересной и законченной стервой. Она с гордостью объявила мне, что со дня свадьбы муж фотографировал ее сто двадцать семь раз.

Миссис Уилсон успела в очередной раз переодеться – теперь она красовалась в изящном платье из кремового шифона, шелестевшем всякий раз, когда она передвигалась по комнате. Очевидно, перемена платья вызвала перемену в ней самой. Та кипучая энергия, которую она излучала в гараже, превратилась в бьющее через край высокомерие. Ее смех, жесты, фразы с каждой минутой становились все более манерными. И чем заносчивее она становилась, тем меньше делалась комната, пока, как мне показалось, она не принялась крутиться в облаках табачного дыма на какой-то скрипучей жердочке.

– Дорогуша, – визгливо говорила она сестре, – все эти людишки только и думают, чтобы тебя одурачить. Им только деньги подавай. Неделю назад ко мне приходила одна женщина делать педикюр – так она мне такой счет предъявила, как будто аппендицит вырезала.

– А как зовут эту женщину? – спросила миссис Макки.

– Миссис Эбергардт. Она делает педикюр на дому у клиенток.

– Мне очень нравится ваше платье, – заметила миссис Макки. – Просто потрясающее.

Миссис Уилсон отвергла комплимент, надменно подняв бровь.

– Но это же такое старье, – прощепетала она. – Я изредка надеваю его, когда мне все равно, как я выгляжу.

– Но выглядите вы в нем прекрасно, уж верьте слову, – настаивала миссис Макки. – Если бы Честеру удалось заснять вас в этой позе, думаю, у него могло бы получиться нечто стоящее.

Мы все молча посмотрели на миссис Уилсон, которая откинула с глаз прядку волос и одарила нас лучезарной улыбкой. Мистер Макки пристально смотрел на нее, склонив голову

набок, затем протянул вперед руку и стал двигать ладонью, то приближая ее к своему лицу, то снова отдавая.

– Надо бы изменить освещение, – задумчиво произнес он. – Хотелось бы акцентировать черты лица. И нужно постараться втиснуть в кадр шикарную прическу.

– А я бы не меняла освещение! – воскликнула миссис Макки. – По-моему, все и так...

Муж шикнул на нее, и мы снова воззрились на объект съемки, в то время как Том Бьюкенен громко зевнул и поднялся.

– Супругам-творцам надо что-нибудь выпить, – сказал он. – Миртл, принеси-ка еще льда и минеральной воды, пока мы все тут не уснули.

– Я уже послала мальчишку за льдом. – Миртл скорбно подняла брови, словно негодуя по поводу нерасторопности низшего сословия. – Вот ведь людишки! За ними нужен глаз да глаз!

Она посмотрела на меня и рассмеялась безо всякой причины. Потом стремительно схватила щенка, восторженно расцеловала его и удалилась на кухню с таким видом, словно десяток поваров ждали там ее указаний.

– На Лонг-Айленде я сделал несколько милых вещиц, – самодовольно произнес Макки. Том уставился на него с непонимающим видом.

– Две из них висят у нас дома в рамках.

– Две чего? – опешил Том.

– Два этюда. Один я назвал «Монток-Пойнт. Чайки», а второй – «Монток-Пойнт. Море». Кэтрин уселась рядом со мной на диван.

– А вы тоже живете на Лонг-Айленде? – спросила она.

– Я живу в Уэст-Эгге.

– Правда? Месяц назад я была там на одной вечеринке. У какого-то Гэтсби. Вы его знаете?

– Я живу по соседству с ним.

– Так вот, говорят, что он вроде племянник или двоюродный брат кайзера Вильгельма. Вот откуда у него такие деньжищи.

– Правда?

Она кивнула.

– Я боюсь его. А вдруг он станет меня шантажировать?

Этот поток ценнейшей информации о моем соседе был прерван репликой миссис Макки, которая вперила указательный палец в Кэтрин.

– Честер, мне кажется, с ней тоже стоит поработать, – заявила она, но мистер Макки лишь рассеянно кивнул и повернулся к Тому.

– Я бы еще поработал на Лонг-Айленде – мне бы только туда пробраться. Мне нужно лишь начать, а дальше я сам пробьюсь.

– А вы Миртл попросите, – коротко хохотнул Том, в то время как в комнату вошла миссис Уилсон с подносом в руках. – Она даст вам рекомендательное письмо, верно, Миртл?

– Даст что? – не поняла она.

– Ты дашь Макки рекомендательное письмо к своему мужу, чтобы он сделал с него несколько этюдов. – Том пошевелил губами в поисках названия. – «Джордж Б. Уилсон у бензонасоса» или что-то в этом роде.

Кэтрин придвинулась ближе и прошептала мне на ухо:

– Она терпеть не может своего мужа, а он – свою жену.

– Неужели?

– Просто на дух не переносят. – Она взглянула сначала на Миртл, а потом на Тома. – Я что хочу сказать: зачем с кем-то жить, если его терпеть не можешь? На их месте я бы развелась, и они тут же бы поженились.

– Выходит, Уилсон ей не по душе?

Ответ прозвучал совершенно неожиданно – из уст самой Миртл, краем уха услышавшей вопрос: громогласно и непечатно.

– Вот видите! – восторженно вскричала Кэтрин. Она снова понизила голос: – Вся загвоздка в его жене. Она католичка, а они не признают развода.

Дейзи никогда не была католичкой, и меня поразила изощренность, с которой состряпали эту ложь.

– Когда же они все-таки поженятся, – продолжала Кэтрин, – то уедут на Запад и проживут там, пока не уляжется шум.

– Было бы осмотнительнее уехать в Европу.

– А, так вам нравится Европа? – удивленно воскликнула она. – Я только что вернулась из Монте-Карло.

– Неужели?

– Ну, в прошлом году. Ездила туда с подругой.

– Надолго?

– Нет, мы только до Монте-Карло и сразу обратно. Через Марсель. Было у нас тысяча двести долларов, но за пару дней в тамошних казино нас обчистили до нитки. Как домой вернулись – просто ужас, верьте слову. Боже, как же я ненавижу этот город!

На какое-то мгновение предзакатное небо в окошке подернулось ласковой средиземноморской лазурью – но тут визгливый голосок миссис Макки вернул меня к реальности.

– Я тоже чуть не совершила роковую ошибку, – с вызовом объявила она. – Я едва не вышла замуж за одного плюгавого еврейчика, который несколько лет ухлестывал за мной. Я знала, что он мне не пара. И все вокруг говорили мне: «Люсиль, он во всех смыслах ниже тебя!» Но если бы я не встретила Честера, он бы меня заполучил.

– Да-да, однако, послушайте, – произнесла Миртл Уилсон, качая головой. – Вы ведь все-таки не вышли за него.

– Верно, не вышла.

– А я вот вышла за такого, – с какой-то двусмысленностью ответила Миртл. – В этом и разница между вами и мной.

– А зачем ты за него вышла-то? – спросила Кэтрин. – Тебя ведь никто не заставлял.

Миртл задумалась.

– Вышла потому, что думала, он джентльмен, – наконец сказала она. – Мне казалось, что он человек воспитанный, а он и мизинца моего не стоит.

– Одно время ты просто с ума по нему сходила, – заметила Кэтрин.

– С ума сходила?! – с негодованием вскричала Миртл. – Это кто тебе такое сказал? Я сходила по нему с ума не больше, чем... вон по нему.

Она вдруг ткнула пальцем в мою сторону, и все осуждающе уставились на меня. Я всем своим видом пытался показать, что не имею к ее прошлому никакого отношения.

– Я и вправду сошла с ума после того, как вышла за него. Я сразу поняла, что совершила ошибку. Он взял у кого-то прекрасный костюм, чтобы покрасоваться в нем на свадьбе, а мне и словом об этом не обмолвился. Так вот, владелец костюма как-то заявился к нам, когда Джорджа не было дома, и потребовал его назад.

Она обвела глазами комнату и убедилась, что все внимательно слушают.

– «А, так это ваш костюм? – удивилась я. – Впервые в жизни об этом слышу». Но костюм я все-таки отдала, а потом рухнула на кровать и проревела целый день.

– Ей и вправду надо уйти от него, – подвела итог Кэтрин, глядя на меня. – Они уже одиннадцать лет живут в этой каморке над гаражом. А Том у нее – первый настоящий кавалер.

Появилась бутылка виски – уже вторая, – и к ней сразу потянулись все присутствующие, кроме Кэтрин, которая «и так веселилась от души». Том позвонил привратнику и послал его за какими-то удивительными сэндвичами, которые якобы заменяли целый ужин. Мне захоте-

лось выйти на улицу и прогуляться в ласковых сумерках в сторону Центрального парка, но всякий раз, когда я порывался уйти, я втягивался в какую-то жуткую, визгливую перепалку, в результате которой снова оказывался в своем кресле, словно привязанный к нему канатами. Я вдруг подумал, что досужий наблюдатель, глядящий на погружавшиеся в темноту улицы поверх крыш, мог бы увидеть множество человеческих тайн за нашими окнами, желтевшими среди мириад подобных им квадратов и прямоугольников. Я сам был таким наблюдателем, смотревшим и не устававшим удивляться. Я одновременно находился внутри и снаружи, очарованный и в то же время повергнутый в ужас бесконечным разнообразием проявлений бытия.

Миртл вдруг придвинула свое кресло вплотную к моему и жарким шепотом поведала мне историю о том, как она познакомилась с Томом.

– Мы оказались с ним в одном поезде и сидели друг напротив друга на боковых местах у тамбура, которые занимают в последнюю очередь. Я ехала в Нью-Йорк к сестре и собиралась у нее заночевать. На нем были фрак и лакированные туфли. Я просто глаз не могла отвести от него, но каждый раз, когда он смотрел на меня, я притворялась, что гляжу на рекламу у него над головой. Когда мы приехали и стали выходить, он оказался рядом со мной и прижался манишкой к моему плечу. Я пригрозила позвать полицейского, но он словно заранее знал, что я этого не сделаю. Голова у меня шла кругом, и когда я села с ним в такси, то с трудом поняла, что я не в подземке. А в голове все билась и билась одна мысль: живешь лишь раз, живешь лишь раз.

Она повернулась к миссис Макки, и гостиная огласилась ее притворным смехом.

– Дорогая моя! – воскликнула она. – Я подарю вам это платье, как только перестану его носить. Завтра же, потому что завтра я куплю себе другое. Мне надо составить список всех неотложных дел. Массаж, потом завивка, купить ошейник собаке, не забыть миленькую пепельницу, такую, знаете, с пружинкой, и веночек на могилу маме с дужкой, обшитой черным шелком, который не вылиняет за лето. Надо срочно составить список, иначе я что-нибудь забуду.

Было девять часов – почти сразу же я снова посмотрел на циферблат и с удивлением обнаружил, что уже десять. Мистер Макки спал в кресле, положив сжатые кулаки на колени, словно энергичный, всегда готовый к действиям человек, позирующий перед фотографом. Вынув платок, я стер с его щеки остатки засохшей пены для бритья, раздражавшие меня весь день и вечер.

Щенок сидел на столе, щуря от табачного дыма свои подслеповатые глазки, и время от времени еле слышно скулил. Вокруг меня исчезали и вновь появлялись люди, они собирались куда-то ехать, потом терялись, искали друг друга, затем находили в двух шагах от себя. Где-то около полуночи я увидел, как Том Бьюкенен и миссис Уилсон стоят друг против друга и яростно спорят, есть ли у миссис Уилсон какое-либо право упоминать имя Дейзи.

– Дейзи! Дейзи! Дейзи! – надрывалась миссис Уилсон. – Говорю и стану повторять, когда захочу! Дэй...

Без замаха, коротким и выверенным движением раскрытой ладони Том Бьюкенен разбил ей нос.

Потом я помню окровавленные полотенца на полу ванной, изрыгающие ругательства женские голоса и над всей этой неразберихой – долгий и надрывный крик боли. Мистер Макки очнулся ото сна и в каком-то отрешенном оцепенении направился к двери. Одолев полпути, он повернулся и уставился на разыгравшуюся перед ним сцену: его жена и Кэтрин кого-то одновременно ругали и утешали, держа в руках какие-то предметы из аптечки и поминутно спотыкаясь о мебель; на диване лежала пострадавшая, обильно истекающая кровью, и пыталась прикрыть выпуском «Таун тэтл» гобеленовые сцены садов Версаля. Макки повернулся и продолжил свой путь к двери. Сняв с канделябра свою шляпу, я последовал за ним.

– Давайте как-нибудь отобедаем вместе, – учтиво пригласил он, когда мы спускались в грохочущем лифте.

– Где?

– Где вам будет угодно.

– Уберите руки с рычага! – взвился мальчишка-лифтер.

– Прошу прощения, – с достоинством извинился мистер Макки. – Я не заметил, что дотронулся до него.

– Хорошо, – согласился я. – С удовольствием.

Помню, как я стоял у его постели, а он сидел на ней в одном белье, завернувшись в простыню, сжимал в руках огромный альбом для фотографий и бормотал:

– Красавица и чудовище... Одиночество... Старая ломовая лошадь... Бруклинский мост...

Потом я лежал в полусне на холодной скамье перрона Пенсильванского вокзала, уставившись в утренний выпуск «Трибьюн», и ждал четырехчасового поезда.

Глава 3

Летними вечерами в доме моего соседа звучала музыка. В его расцвеченном голубой иллюминацией саду, словно мотыльки, кружились пары, окруженные шепотом, ароматом шампанского и сиянием звезд. Днем, во время прилива, я мог наблюдать, как его гости ныряют с вышки, пристроенной к причалу, или загорают на горячем песке его персонального участка пляжа, в то время как два его катера рассекают воды пролива, поднимая ввысь аквапланы над пенными гребешками морских волн. По выходным его «роллс-ройс» превращался в некое подобие рейсового автобуса, возившего группы гостей в город и обратно; это начиналось где-то в девять утра и заканчивалось далеко за полночь. Многоместный универсал, словно быстрый желтый жук, мчался на станцию к каждому поезду. А по понедельникам восемь слуг, включая второго садовника, вооружались швабрами, щетками, молотками и садовыми ножницами и выходили на уборку, ликвидируя последствия вчерашней вакханалии.

Каждую пятницу от фруктовщика из Нью-Йорка доставляли пять огромных ящиков с апельсинами и лимонами, а в понедельник те же самые цитрусовые выносили с черного хода в виде груды корок-полушарий, из которых было выжато все, что только можно выжать из фрукта. На кухне стояла машина, способная за полчаса получать сок из двухсот апельсинов. Для этого требовалось двести раз нажать на небольшую кнопку.

По крайней мере раз в две недели особняк заплотняла целая армия obsługi и оформителей. Они привозили с собой десятки метров парусины и столько разноцветных лампочек, что их бы вполне хватило, чтобы превратить сад Гэтсби в целый лес рождественских елок. На фуршетных столах, украшенных изысканными холодными закусками, теснились копченые со специями окорока, пестрые салаты, запеченные в тесте поросята и индейки, сверкавшие золотистыми хрустящими корочками. В большом зале сооружали бар с настоящим медным приступком для ног; полки его ломились от множества видов и сортов джина, ликеров и прочих напитков, в том числе так давно позабытых, что большинство приглашенных юных дам не могли различить их по названиям или по вкусу.

К семи вечера собирался оркестр: не какой-то там скромный квинтет, а полновесный исполнительский ансамбль, включавший гобои, тромбоны, саксофоны, виолы, корнет-апистоны, флейты-пикколо, большие и малые барабаны. Последние купавшиеся уже вернулись с пляжа и переодевались наверху; прибывшие из Нью-Йорка автомобили в пять рядов сгрудились на подъездной дороге, а залы, гостиные и веранды уже засверкали всеми цветами радуги, заискрились прическами по последнему крику моды и газовыми накидками, о которых уроженки Кастилии могут только мечтать. Бар работает на полную мощность, и один за другим уставленные коктейлями подносы уплывают в сад, наполненный звонким смехом, болтовней, двусмысленными намеками, знакомствами, забываемыми в тот же миг, и слащаво-истеричными приветствиями женщин, так и не запомнивших имен своих новых подружек.

Огни горят все ярче по мере того, как солнце закатывается за горизонт. Оркестр играет легкую, ненавязчивую музыку, и многоголосый хор звучит все громче. С каждой минутой смех становится все непринужденнее, он льется щедрым потоком, которому не дают иссякнуть веселые шутки. Тут и там гости собираются в группки и кружки, которые то разрастаются за счет вновь прибывших, то распадаются, то образуются вновь, чтобы исчезнуть через пару минут. Уже появляются «скиталицы» – самоуверенные девицы, которые то и дело прибывают к группкам из солидных и импозантных людей, на какой-то мимолетный, радостный миг привлекают к себе всеобщее внимание, а затем, воодушевленные своим успехом, плывут дальше в постоянно меняющемся свете сквозь калейдоскоп лиц, голосов и красок.

Вдруг одна из таких «скиталиц» в одеянии опалового цвета хватает словно появившийся из воздуха коктейль, залпом выпивает его для храбрости и, движениями рук подражая Джо

Фриско, начинает в одиночку танцевать на парусиновом настиле. Оркестр на мгновение умолкает, затем дирижер меняет ритм, подстраиваясь под нее. Среди гостей мгновенно разносится слух, что это дублерша Гилды Грей из варьете «Фоллиз». Вечеринка началась.

Полагаю, что в самый первый вечер, когда я отправился на виллу Гэтсби, я оказался одним из немногих гостей, кого действительно пригласили. Людей не приглашали – они туда просто приезжали. Они садились в автомобили, которые довозили их до Лонг-Айленда, и каким-то образом оказывались у входа в особняк Гэтсби. Потом их представлял кто-то из тех, кто лично знал хозяина дома, после чего они вели себя согласно правилам поведения в парке развлечений. Иногда гости приезжали и уезжали, так и не увидев самого Гэтсби. Они посещали его вечеринки с искренним простодушием и непосредственностью, которые сами по себе вполне могли служить входным билетом.

Я же получил официальное приглашение. В то субботнее утро у моего дома появился шофер в сине-зеленой униформе и передал мне послание от своего хозяина, написанное весьма изысканным и даже высокопарным слогом. В нем говорилось, что мистер Гэтсби почтет за честь, если я соблаговолю пожаловать к нему нынче вечером на «малый прием». Он несколько раз видел меня и собирался нанести визит, однако этому воспрепятствовало неблагоприятное стечение обстоятельств. Подпись: «Джей Гэтсби», выполненная твердым и изящным почерком.

Нарядившись в белый фланелевый костюм, я в начале восьмого вечера пересек лужайку перед его домом и некоторое время бродил просто так, чувствуя себя не в своей тарелке в водовороте незнакомых людей, хотя изредка мне попадались лица, которые я видел в вагоне пригородного поезда. Меня сразу поразили молодые англичане, тут и там мелькавшие в толпе. Все они были прекрасно одеты, с несколько голодным блеском в глазах, и все они негромко и с самым серьезным видом о чем-то говорили с солидными и процветающими американцами. Я был уверен, что они что-то продают: облигации, страховые полисы или автомобили. По крайней мере, они остро ощущали близость легких денег и убежденность в том, что эти деньги достанутся им, – надо лишь сказать нужные слова с правильно подобранной интонацией.

Оказавшись в поместье Гэтсби, я сразу же попытался разыскать хозяина, однако два или три гостя, которых я спросил, как мне найти мистера Гэтсби, посмотрели на меня с таким удивлением и столь страстно стали убеждать меня в том, что понятия не имеют, где его искать, что я в нерешительности направился к столу с коктейлями. Он казался мне единственным местом в саду, где одинокий мужчина мог задержаться без риска выглядеть жалким и одиноким.

Я уже собрался было напиться от охвативших меня чувств замешательства и смущения, когда увидел, как из дома вышла мисс Бейкер и остановилась на верхней ступеньке мраморной лестницы, слегка откинув назад голову и с каким-то высокомерным интересом обозревая происходившее внизу.

Я понятия не имел, обрадует ли ее мое появление, однако чувствовал, что мне надо найти хоть какую-то знакомую душу, прежде чем я начну откровенничать с совершенно незнакомыми людьми.

– Здравствуйте! – закричал я, поднимаясь ей навстречу. Мой голос неестественно громким эхом разнесся по саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.